

Феликс чувствовал, что печаль охватывает его, словно плащ, пока наблюдал, как усадьба Страгова уменьшается позади воздушного корабля. Крошечные машущие фигуры медленно уплывали вдаль и полностью скрылись из вида, когда „Дух Грунгни“ набрал скорость. Усадьба уменьшалась в размерах, пока не пропала среди бескрайней необъятности протяжённых равнин, покрытых травой. Феликс возбуждённо мерил шагами металлическую палубу.

Он прикидывал, увидит ли когда-либо Ульрику снова. Она явно так не думала, а прожив всю свою жизнь на границе с Пустошами Хаоса, у неё было куда лучшее понимание в таких вещах, чем у него. Это было необычно, но Феликс уже скучал по ней, хотя встретил женщину всего лишь несколько дней назад.

На короткий ужасный миг у него возникло ощущение, что следует пойти к Макайссону и просить его развернуть корабль. Феликсу хотелось сказать, что произошла ужасная ошибка, и он не хотел улетать. Феликс осознал, что хотел бы остаться рядом с Ульрикой, но дела закрутились слишком быстро, и импульс гномьего приключения внезапно захватил его. Все, включая Ульрику, были уверены, что Феликс полетит, и он поступил так, несмотря на то, что в действительности не имел никакой склонности.

Что характерно, в этом мире так всё и происходит. Незначительные происшествя возникают в жизни сами по себе, и прежде чем успевает разобраться в ситуации, он оказывается вовлечён в крайне нежелательные события, весьма далёкие от его контроля. Феликс недоумевал: «В жизни со всеми так происходит или только с ним? Неужели каждый, делая выбор за выбором, по крупицам складывает из них кучу, подобно ребёнку, сооружающему горку из камешков? И лишь для того, чтобы в последний момент обнаружить, что соорудил под собой неустойчивую, ходящую ходуном гору, и нет возможности пойти на попятный, не вызвав обвал?»

Феликс понимал, что по ряду причин не может пойти к главному инженеру и просить его повернуть назад. Первая и простейшая — Макайссон может этого и не сделать, а Феликс лишится уважения и доброго расположения команды, не получив при этом ничего. Вторая причина — он понятия не имел, какой приём его ждёт, даже если удастся повернуть назад. Возможно, Ульрику к нему привлекло убеждение, что есть нечто героическое в его участии в экспедиции, а если Феликс оставит гномов сейчас — выкажет трусость. Он понимал, что в этой суровой стране люди не стремятся к общению с трусами.

И Феликс вынужден был признать, возможно, в глубине души он хочет продолжить путешествие в любом случае — увидеть новые места; посмотреть, чем всё закончится; испытать своё мужество в дикой местности, что вызывает беспокойство даже у Готрека. Феликс сознавал, что другие люди, вероятнее всего, будут оценивать его точно таким образом, как он сам судит о себе. Если он покинет „Дух Грунгни“, то уже не сможет примерять на себя роль героя и вновь станет столь же заурядным, как большинство остальных. Возможно, часть его натуры действительно желала славы, которой так жаждали гномы на борту воздушного корабля. Феликс не знал. Бывали времена, когда его мотивы приводили в замешательство его самого. Они, похоже, различались в зависимости от его настроения или похмелья.

Феликс попросту сознавал, что в данный момент чувствует себя ужасно и желает снова увидеть Ульрику. Унылое настроение, казалось, заразило весь корабль. Все гномы были молчаливы и имели горестные выражения лиц. Вероятно, они тоже чувствовали эту необъяснимую печаль. А возможно, у них обычное похмелье — прошлой ночью все до последнего напились, словно мариенбургские матросы на кутеже или, что куда точнее, гномы перед озером даровой выпивки. Феликс признавал, что в теперешнем состоянии воздушный корабль был не лучшим местом для страдающих от похмелья. Палуба заметно вибрировала, и вся гондола изредка сотрясалась, когда они проходили сквозь облака и области

турбулентности.

Он проследовал в сторону командной палубы и увидел, что та почти пуста, за исключением минимальной команды, требующейся для обеспечения полёта корабля. Феликс угрюмо подошёл, встал подле Макайссона и посмотрел в окно. Протяжённый скальный массив вздымался всё ближе. Он заметил, что они направляются к перевалу Чёрной Крови. Тот развернулся перед ними, словно пасть какого-то громадного демона.

Вскоре они оказались на самом перевале, вокруг них возвышались горы, и самая невысокая из странных сверкающих вершин была на уровне воздушного корабля. Феликс изучил её, но глядеть на сверкающее и мерцающее вещество, которое покрывало вершину, как ни странно, оказалось трудно. Взгляд соскакивал с него, словно человек, опрокидывающийся на льду, и Феликс обнаружил, что не может сфокусироваться на вершине. Для него это был первый признак того, сколь странным способен быть Хаос. И не последний, в чём Феликс был уверен.

Сам по себе перевал был скалист и уныл. Тут и там вдоль дороги были установлены валуны необычной формы, и Феликс чувствовал уверенность, что на них начертаны незнакомые иноземные руны. Заметив, что некоторые из них отливают белизной, он позаимствовал у Макайссона телескоп и сфокусировал его на валунах. К своему ужасу он увидел — то, что он принял за начертанные мелом символы, на деле оказалось искалеченным скелетом, прикованным цепями к скале. Феликс прикидывал, были ли это человеческие жертвоприношения, оставленные здесь воинами Хаоса, или предупреждающие отметки, оставленные кислевитами. Оба варианта казались вполне возможными.

Позади Феликса появился Варек и несколько минут хранил молчание, охваченный благоговейным страхом. Феликс понял, что молодой гном разделяет его настроение.

— Шрейбер считает, что эти горы защищают весь Кислев, — наконец произнёс Варек.

— Что ты имеешь в виду?

— Я разговаривал с ним в усадьбе. У него есть теория, в которой говорится о том, что если бы не эта горная цепь, ветер разносил бы пыль искривляющего камня из Пустошей Хаоса, и население было бы поражено мутациями. Он говорит, что они все бы изменились и стали искажёнными — орудиями безумных причуд Тёмных Богов.

— Я думаю, мутанты в Кислеве и так имеются. Одному Сигмару известно, со сколькими из них я сражался в Империи. Здесь их должно быть не меньше!

Варек посмотрел на Феликса и печально улыбнулся.

— В Кислеве убивают любого, у кого проявляются малейшие признаки мутации, даже младенцев.

— То же самое делают в Империи, — сказал Феликс, зная однако, что это не совсем верно.

Многие родители скрывают своих детей-мутантов, и люди защищают своих родственников-мутантов. Во время своих странствий он сталкивался с подобными случаями. Феликс полагал, что мутанты — не скверные люди, а просто поражённые болезнью. Он горестно покачал головой, понимая, что ни один гном и, скорее всего, ни один кислевит не согласится с подобным умозаключением. Этот мир, несомненно, ужасен.

— Шрейбер заявляет, что без этих гор было бы гораздо хуже, так как они являются природным

барьером, который предотвращает попадание большей части пыли на земли человечества. Он утверждает, что странное вещество на вершинах — замёрзшая тёмная магия, чистое вещество Хаоса.

— У господина Шрейбера имеется множество интересных теорий, — кисло произнёс Феликс.

— Шрейбер утверждает, что это не просто теории. Он проводил эксперименты на животных, используя пыль искривляющего камня.

— Значит, он безумец. Искривляющий камень — вредоносная субстанция. Он ведёт людей к безумию. Я наблюдал подобное.

— Шрейбер говорит, что весьма осторожен и защищает себя магией и всевозможными защитными материалами. Мой дядя доверяет его теориям. Это одна из причин, по которой внутри корпуса нашего воздушного судна находится слой свинцовой фольги.

— Я думаю, что, в конце концов, господина Шрейбера не ожидает ничего хорошего.

— Я склонен согласиться, Феликс, но, тем не менее, он прав. Мой дядя говорит, что это согласуется с традиционными знаниями гномов. Некоторые утверждают, что наш народ впервые начал строить города под землёй во время первого великого нашествия Хаоса много веков назад, и что скалы защищают нас от порчи Хаоса, которой подвержены все остальные расы.

Высказавшись, Варек смутился, словно не был уверен, как Феликс отреагирует на обвинение его народа в том, что тот затронут Хаосом. Собственный опыт путешествий по Империи и за её пределами подсказывал Феликсу, что подобному утверждению крайне легко поверить. Род человеческий слишком уж легко склоняется к поклонению Тьме. То была тягостная мысль.

— Когда мы пройдем эти горы, то окажемся на самом краю царства Хаоса, — мрачно пробормотал Варек.

— Ты думаешь, что заклинания, которые Шрейбер наложил на воздушный корабль, защитят нас? — спросил Феликс.

— Я ничего не знаю о магии, Феликс. Это не та тема, с которой знакомо множество гномов. Мой дядя верит, что они помогут, а он сравнительно искушён в таких вопросах.

— Станный человек, этот господин Шрейбер. Знаешь, он просил меня записывать мои впечатления о Пустошах, на случай если мы возвратимся.

— Меня тоже. Он сказал, что это поможет в его исследованиях.

— Давай надеяться, что по возвращении мы представим ему полезный материал.

— Конечно, давай надеяться, — улыбнулся Варек.

Ларк был обеспокоен. С того момента, как волшебник-человек взойшёл на борт воздушного корабля и начал ворожить, у него не было возможности связаться с серым провидцем Танкуолем. Это было ужасно, так как Ларк понимал, что волшебник-скавен, независимо от действительной причины, будет винить в этом его. Ларк хотел бы что-нибудь сделать, но ничего не знал о волшебстве. Его охватило чувство беспомощности. А с ним пришло желание рвать и калечить, изгнать свои страхи, убив кого-нибудь — желательно кого-нибудь слабого и

беспомощного. К несчастью, для вымещения его ярости тут не было подходящих кандидатов. На воздушном корабле полно хорошо экипированных и вооружённых гномов, а при Ларке не имелось множества сородичей, которые могли бы поддержать праведный гнев скавена.

Ларк понимал, что ему требуется найти выход для своей сдерживаемой энергии. И этим выходом стало обследование воздушного корабля, пока большинство гномов спало. И снова он оказался в многообещающем туннеле, ведущем на самый верхний уровень гондолы.

Медленно и осторожно Ларк повернул массивную рукоять и почувствовал, как, щёлкнув, открылся замок. Он надавил вверх со всей силы и увидел приставную лестницу, ведущую наверх. Ветер развевал его мех, и он обнаружил, что стоит над крышей гондолы. Посмотрев наверх, скавен увидел, что лестница скрывается в круглом отверстии внутри аэростата. Он пролез через отверстие и немедленно оказался в окружении того, что походило на кучу чудовищных шаров. Они были тонкой проволокой закреплены внутри аэростата длинными рядами.

Ларк быстро карабкался по лестнице, прыгая вверх с природной ловкостью скавена, ободрённый присутствием газовых шаров вокруг себя. Его чувствительные ноздри подёргивались, и усы встали дыбом. Он распознал в воздухе слабый едкий запах, который не смогли обнаружить ни человек, ни гном. Он узнал этот запах! Он уловил его следы внизу, в гондоле, но не знал, откуда так пахнет. Нет, он встречал подобный запах в великих болотах вокруг Скавенблайта, куда крысиный народец сливал химические отходы своих фабрик в грязь и зыбучие пески. Иногда там, куда закачивались промышленные отходы, надувались громадные пузыри, и когда они прорывались на поверхность и лопались, появлялся этот специфический запах.

Возможно ли, что гномы закупорили этот газ в тех тонких шарообразных мешках, и именно те тысячи мешков поднимают это судно в небеса? А может, средство создавать воздушные корабли уже находится в лапах скавенов? Должен ли он поведать серому провидцу Танкуолю о своих подозрениях?

Ларк с минуту обдумывал эту идею, и затем решил отказаться от неё. Какая смехотворная теория! Разумеется, только наиболее могущественное колдовство способно удерживать в воздухе это судно. Вот чем, должно быть, занимался волшебник-человек там, в человеческой норе-на-поверхности! Он должен был обновить заклинания, что позволяют воздушному кораблю летать. Эти шары с газом, должно быть, служат какой-то иной цели. Возможно, это оружие, вроде сфер с ядовитым газом. Тоже маловероятно, потому как Ларк никогда не слышал, чтобы болотный газ причинил кому-нибудь что-либо опаснее головной боли.

Ларк резво проскочил весь путь до верхушки лестницы, отмечая, что через огромный аэростат разбегаются различные верёвочные пешеходные дорожки, позволяющие добраться до его внутреннего содержимого. Тут может получиться хорошее место для укрытия, если он покинет нижний товарный трюм. Добравшись до верха лестницы, скавен оказался в открытом „вороньем гнезде“ {23} на самом верху корабля. Это было что-то вроде наблюдательной площадки размером с гребную шлюпку. Различные счётчики и измерительные приборы были установлены в огромном металлическом ящике. Припомнив слова Танкуоля, Ларк не осмелился до них дотронуться. Рядом с ними на большой треноге был установлен телескоп, размещённый над большим многоствольным орудием, напомнившим Ларку органные пушки, с которыми он сталкивался в сражениях с людьми и гномами. Несомненно, задачей орудия была защита воздушного корабля в случае нападения сверху.

Над его головой открывался превосходный вид на небеса. Холодный ветер трепал его шкуру, и

он понюхал воздух. Во имя Рогатой Крысы! Воздух содержал слабейшие следы искривляющего камня! Мех Ларка поднялся дыбом. Если он сможет обнаружить источник этого легендарного вещества, то станет богаче, чем в своих самых дерзких мечтах, при условии, что Танкуоль позволит ему кое-что оставить. Возможно, лучше не упоминать серому провидцу про драгоценный камень Хаоса, пока не возникнет острая необходимость. В конце концов, Ларк может ошибаться.

Пешеходная дорожка шла по поверхности этого массивного сооружения к другим „вороньим гнёздам“ на носу и корме корабля. Он понял, что перед ним цепь защитных огневых позиций, похожих на эту. Похоже, гномы всё предусмотрели. Может быть, те верёвочные дорожки внутри самого аэростата ведут к другим орудиям на бортах воздушного корабля? Он проверит.

Ларк поглядел через окуляр телескопа на окружающий пейзаж, взяв на заметку большие горы со сверкающими вершинами и странные цветные сполохи в северном небе. Внезапно он ощутил себя крайне незащищённым. Здесь не место обитателю туннелей, каковым он являлся. Тут слишком много неба, свежего воздуха, а горизонт уж очень далеко. Лучше вернуться вниз.

— Вот ты где! — мысль оказалась столь мощной, что реально испугала его.

Ларк резко выпрямился и его хвост напрягся до предела.

— Где ты был?

— Нигде, самый проникательный из повелителей, — осторожно подумал Ларк. — Я тут, на воздушном корабле, как ты приказывал.

— Значит, наши враги-злодеи защитили свой корабль волшебством. Неумелый глупец-раб, они, должно быть, обнаружили твоё присутствие!

Подобная мысль ужасала, и Ларк весьма искренне молился, что это не так. Он поспешно объяснил могучему голосу, громяющему у него в голове, о присутствии на корабле волшебника-человека, и как тот наложил таинственные заклинания. Последовавшее за этим молчание было столь продолжительным, что Ларк начал верить, что потерял связь с Танкуолем. Лишь только он вознёс благодарности Рогатой Крысе, приказывающий голос заговорил снова.

— Волшебник-человек, должно быть, наложил на судно защитные чары для оберегания от чего-то. Заклинания действуют на летательный аппарат под тобой, но не там, где находишься. Приходи на то место, где стоишь сейчас, каждый день в это же время, и я буду связываться с тобой.

— Да, могущественнейший из властителей, — подумал в ответ Ларк.

Ларк поспешно полез вниз по лестнице. Только на обратном пути вниз он прикинул, понимает ли серый провидец опасность. А если „воронье гнездо“ будет занято? Если он не сможет выполнить этот приказ? Это была пугающая мысль. Ларку хотелось бы иметь под рукой нескольких подчинённых, чтобы запугивать их и тем сглаживать собственное разочарование. По пути назад он решил полоснуть несколько шаров своими когтями. Те лопнули, выпустив в воздух потоки вонючего, но знакомого газа.

Лишь по благополучном возвращении в свой ящик Ларк начал беспокоиться о том, что может произойти с ним, если кто-либо из гномов обнаружит лопнутые им шары. Возможно, они станут подозревать о его присутствии. С другой стороны, природное любопытство скавена

заставляло его прикидывать, что же случится, если он проткнёт все шары.

Феликс продолжал рассматривать поверхность земли под ними, чем занимался уже несколько часов. Теперь они достигли самых границ Пустошей Хаоса. Внизу он мог видеть первые дюны необычного разноцветного песка, начинавшие сменять унылую каменистую равнину. Небо впереди было беспокойным, заполненным изменяющимися облаками необычного металлического оттенка. Солнце проглядывало редко, а когда показывалось, то выглядело крупнее и краснее. Вид был такой, словно они переправились не только в новые земли, но и в абсолютно новый мир. Ярко сияли самоцветы в глазах статуи на носу корабля, словно теперь полностью действовало заклинание, наложенное на них.

И снова невероятная скорость воздушного корабля привела Феликса в крайнее изумление. За последние несколько часов они прошли над возвышающимися горами, затем над холмистыми равнинами. Равнины не выглядели особо отличающимися от лугов Кислева, но если присмотреться, можно было увидеть обугленные руины, где камень, по всей очевидности растёкшийся подобно воде, принял новые причудливые очертания. А пруды и озёра необычно мерцали розовым и голубым цветом, словно были загажены неизвестными химикатами.

После равнин пошла болотистая местность, а затем тундра. Температура заметно понизилась, и иногда в окна били порывы ветра с тёмно-красным снегом, который таял и стекал вниз по стеклу каплями, напоминавшими Феликсу кровь.

Со временем эти унылые земли сменились местностью, где ничего не произрастало — каменистой равниной с разбросанными по ней высокими валунами, которые напомнили Феликсу древние менгиры{24}. Ему казалось маловероятным, что менгиры могли быть воздвигнуты людьми, но кто его знает? Иногда они пролетали над небольшими группами звероловов, которые били себя в грудь и вызывали на бой. В другие разы они пролетали над скопищами добывавших пропитание людей, которые разбегались при их приближении. Через телескоп Феликс видел, что все они обладают признаками мутации. Стараясь не принимать во внимание тёмные истории про каннибализм и некрофагию{25}, рассказываемые о последователях культов Хаоса, Феликс недоумевал, как они выживают на этой нездоровой земле?

Сейчас они оставили далеко позади даже те суровые земли, и смотрели вниз на мерцающую пустыню. Феликс услышал постукивание посоха Борека о каменный пол, когда старый гном приблизился, затем ощутил прикосновение твёрдой руки к своему рукаву.

— Возьми этот амулет и надень, — сказал Борек. — Сейчас мы достигли подлинных Пустошей Хаоса, и он будет защищать тебя от их воздействия. Старайся всё время держать амулет на теле, чтобы его энергия передавалась тебе и предохраняла от искажающего излучения тёмной магии.

Феликс принял амулет и рассмотрел его на свету. В оправе на серебряной цепи удерживался драгоценный камень, формой и цветом похожий на кусочек льда — что-то вроде тех заледеневших сосулек, которые он часто видел зимой на свесах крыши дома своего отца. Кристалл такого вида ему ранее не встречался, и Феликсу показалось, что вглядываясь внутрь него, он уловил слабое свечение.

Феликс дотронулся до камня, почти ожидая ощутить его холод, однако камень оказался чуть тёплым.

Феликс озадаченно поднял голову и поглядел на старого гнома.

— Он сделан господином Шрейбером, так?

Борек одарил его широкой улыбкой:

— Ты не доверяешь ему, так ведь, господин Ягер?

Феликс покачал головой:

— Я не доверяю ни одному волшебнику, ведущему дела с Хаосом.

Борек бросил взгляд через окно и печально улыбнулся.

— Как и я. И позволь мне сказать, что Максимилиану Шрейберу я доверю свою жизнь.

— Хорошо! Как мне кажется, именно это ты и делаешь.

— Ты упрям. Мы, гномы, находим это замечательным качеством. И всё-таки по поводу волшебника ты ошибаешься. Я знаю его много лет. Я беседовал с ним и путешествовал с ним. Я спас ему жизнь, а он спас мою. В нём нет порчи.

Спокойный авторитетный тон голоса учёного убеждал сильнее, чем его слова. Феликс чувствовал, что гном, скорее всего, прав, но всё же... Феликс вырос в стране, где к магии и Хаосу часто относились со страхом, и он сам испытал кое-какие ужасные переживания по вине волшебников. Трудно было отбросить копившиеся всю жизнь предубеждения. Так он и заявил.

Учёный пожал плечами, а затем жестом обвёл гондолу.

— Даже гномы могут меняться, господин Ягер, и, если уж на то пошло, мы гораздо крепче связаны традициями и предубеждениями, чем ты. Сам этот воздушный корабль противоречит традициям одной из наших главнейших гильдий. И теперь мы отбросили свои предубеждения, потому что нужда наша велика.

— И ты полагаешь, что я сильно нуждаюсь в этом амулете?

— Я думаю, пока действует его магия, господин Ягер, он будет твоей лучшей защитой от Хаоса. И поверь мне, защита от Хаоса тебе необходима.

Борек повернулся и что-то прокричал Макайссону на беглом гномьем языке. Услышать, как тот говорит на этом грубом гортанном языке, для Феликса было потрясением. За время их совместных странствий все гномы вокруг него говорили на рейкшпиле. Сперва Феликс полагал, что это из вежливости, потому что он иноземец и может не понять, но позднее пришёл к выводу, что на самом деле причина в странной подозрительности гномьего мышления. Да, они были вежливы, но также считали свой язык священным и тайным, и не желали, чтобы посторонние изучили его. До тех пор, пока не стали бы полностью заслуживающими доверия. Из всех известных ему людей лишь высокопоставленные священнослужители Сигмара были знатоками этого языка, и обучали ему лишь священников, прошедших посвящение в духовный сан. Феликс посчитал, что в данном случае принятое Борексом решение разговаривать на гномьем означает, что Феликс выдержал некое испытание и старый гном доверяет ему. Феликс ощутил смутное удовлетворение.

— Я лишь попросил пилота опустить судно к тем развалинам. Полагаю, я узнал их, — сказал Борек.

Феликс проследил взглядом в направлении, показанном указательным пальцем учёного. Там находились обвалившиеся здания и среди них прочие предметы. Он поднёс телескоп к глазам и увидел, что те напоминают полностью закрытые повозки из металла, с единственным щелевым кристаллическим окном для водителя и четырьмя прорезями по сторонам, через которые можно было бы наносить удары оружием. В их задней части находились необычные дымовые трубы, и отсутствовала упряжь для каких-либо тягловых животных. Что-то в них напомнило Феликсу имперские боевые фургоны, которые были полностью закрыты крышей, а также имперские паровые танки, которые ему довелось видеть в Нульне.

— Для нашей последней экспедиции это был первый привал в Пустошах, — сказал Борек. — Видишь те проржавевшие остовы? То наши транспортные средства. Тут мы были атакованы вражеским военным отрядом и отбили его лишь ценой величайших потерь. Те каменные пирамиды воздвигнуты над нашими павшими.

Феликс заметил, что воздушный корабль останавливается над развалинами и другие гномы толпятся у окон и иллюминаторов, смотря вниз. Гномы смотрели вниз с неким трепетом, который Феликс замечал у людей-паломников, когда те входили в святилище. В некотором роде, это было волнующим доказательством опасностей в Пустошах. С другой стороны, ободряло, так как показывало, что прежде сюда смогли добраться путешественники, и места эти не были абсолютно неизвестными.

Феликс глядел вниз, на покинутые транспорты и пустые надгробия, и печаль, охватывавшая его ранее, вернулась с удвоенной силой. Эти объекты находились там около двадцати лет, и единственными глазами, что смотрели на них, были глаза последователей Хаоса и чудовищ. Ему реально захотелось никогда не попадать сюда.

— Недалеко отсюда находятся пещеры, где Готрек нашёл свой топор, — тихо произнёс Борек.

— В этом дело? Провал твоей экспедиции был причиной того, что Готрек стал Истребителем?

— Нет. То случилось позже...

Глядя на Феликса, Борек печально улыбнулся, открыл рот, чтобы заговорить, а затем, словно обнаружив, что и так сказал лишнего, закрыл рот снова. Феликс хотел переспросить ещё раз, но до него дошло, что если старый гном не желает говорить, то нет способа его заставить.

Феликс заметил, что по-прежнему небрежно держит амулет в своей руке. Его посетила мысль, что старый гном, несомненно, куда как больше осведомлён в подобных вещах, чем Феликс. И нужно последовать совету учёного. Феликс надел серебряную цепь на шею и дал камню скользнуть под рубаху. Там, где тот коснулся тела, Феликс ощутил странное покалывание. Дрожь пробежала по телу и затем прекратилась, оставив лишь ощущение тепла, которое непонятным образом его ободрило.

Борек похлопал его по спине.

— Хорошо, — произнёс он. — Теперь ты защищён лучше, чем были мы когда-либо в те минувшие дни.

Феликс посмотрел в сторону горизонта и вознёс молитву Сигмару за души гномов, павших здесь, и за свою собственную безопасность. Внезапное предчувствие гибели посетило его и не желало покидать даже после того, как двигатели воздушного корабля снова взревели, и они начали двигаться вперёд, углубляясь в Пустоши Хаоса.

<http://tl.rulate.ru/book/2507/47311>